

Столько чувства в напеве родном...

Лит. Россия. — 1992. — 25 сент. (№ 39). — с. 13

«По небу, по синему, тученьки плывут,
где ж твои, красавица, думушки жи-
вут?..»

Как ручей журчит песня. И уже не
знаю: артист ли поет или слова бабушки
из деревни Большое Семино на Волге
доносятся. Из далекой дали, где все
было — и бабушка, и Волга, и дорога в
ржаном ровном поле с перебегающей
через нее мышкой. Яблоньки в тыну и
добрая наша корова Красуля...

Не помню, чтобы так пели русскую
песню. По-родному, чтобы ни одно сло-
во не пропало... А песня льется, льет-
ся дальше, и потом ты сам где-нибудь
на улице или в автобусе прошепчешь: «В
лес пошли буренушки, заиграл рожок...»

Творческий вечер Михаила Михайло-
вича Новохижина. Он известен не только
как даровитый драматический актер,
многие годы ректор старейшего в стра-
не Театрального училища имени Щепки-
на, но и как проникновенный исполни-
тель русских песен и романсов,
страстный поклонник Есенина, перело-
живший на свою музыку немало его сти-
хотворений. В небольшом зале ЦДРИ —
многие зрители с цветами, принесенны-
ми для артиста.

«Однозвучно гремит колокольчик...». Струны гитары договаривают то, что
словами нельзя высказать. Будто коло-
кольчики — звезды в небе переговари-
ваются. Звезды и в сердце — от этой
шири и дали, бесконечной равнины.

— Я объездил всю Россию и чувствую,
что песня — как ничто другое — память
народа, — рассказывает мне Михаил
Михайлович после концерта. — И нужна
она сегодня особенно. Мы несем в себе
много, неясных порой, воспоминаний,
внутренних эмоциональных богатств.
Когда пою, улавливаю русское про-
странство, чувство русскости, очень
приглушенное в нашей жизни. Но оно
возникает, пробуждается, когда его вы-
зываешь. Я вижу это по залу.

Безумно люблю песню «Прощай, ра-
дость, жизнь моя». Как сказано! Чувст-
вую тот энергетический заряд, который
несет каждое ее слово. Я пою ее так, как
услышал в детстве, в Феодосии, от Фо-
мы Дорменко, слуги Айвазовского. Этот
человек, которому художник завещал
хранить после смерти свои картины, не-
сколько раз спасал галерею и от фаши-
стов, и от наших варваров. У художника
служила моя бабушка Евфросинья Алек-
сеевна (из рода знаменитого есаула Ка-
литы; с Терека, из родных краев, она
убежала в Крым с человеком, которого
очень полюбила)...

Актер чтит традиции Малого театра,
его патриарха — Островского. Известно,
что Александр Николаевич как прилеж-
ный ученик записывал в Поволжье на-
родные песни, чтобы наполнить их све-
жестью свои пьесы. Его друг Аполлон
Григорьев плакал, когда собирались по
вечерам в московском особнячке Остро-
вского и хозяйка, жена его Агафья Ива-
новна, пела. Об этом прекрасно сказано
М. П. Лобановым в книге о великом
драматурге: «Это был не тот восторг
минуты, который вспыхивает и тут же
гаснет, не оставляя никаких следов, как
только прошла эта минута. Нет, это было
не мгновенное настроение, а то волну-
ющее постижение так редко обнажаю-
щихся в жизни глубин, которое не оста-
ется бесследным для души, запускает в
нее сладостные корешки и будет жить в
ней чуждо дремлющей болью».

Без этого восторга, постижения глу-
бин народного духа не было бы ни Пуш-
кина, ни Есенина, ни Шалапина...

— Последнее время стал особенно не
любить злых людей. Люблю, когда про-
является жалость к человеку, — делится
со мной Михаил Михайлович. — Сегодня
со сцены то и дело звучат призывы либо
всех русских казнить, либо всех заста-
вить каяться. Возгласы, что вся история
нашего народа была ужасной и безоб-
разной. Но люди работали, спасали зем-
лю, пусть и ошибались, — что же их во
всех грехах обвинять? Пугает злоба, ко-
торую иногда источает авторская песня.
А ведь интеллигентный человек никогда
не привнесет в искусство злобу, нена-
висть. Именно таких людей, мне кажется,
не хватает сейчас телевидению. Не
хватает душевности. В русской же куль-
туре никогда не было чувства ненависти,
насмешки над униженными, слабыми —
она всегда несла добро...

Среди ледяного бездушия и грохота
«металла» люди грубеют и черствеют.
Холодно жить. А от песен Новохижина —
тепло, как от русской печки. В них чув-
ства христианские, национальные. Че-
ловек человеку — радость!

«Все, что воспитывает духовный ха-
рактер человека, все хорошо для Рос-
сии, — считал великий русский философ
И. А. Ильин. — И обратно: все, что не
содействует этой цели, должно быть от-

М. М. Новохижин

вергнуто, хотя бы оно и было принято
другими народами».

Более категоричен выдающийся эс-
традный певец А. Н. Вертинский, гово-
ривший о долгих годах эмигрантской
жизни: «А России нет... Мы оторваны от
истоков родной жизни, от ее животворя-
щей почвы. Сколько артистов погибло в
этой оторванности! Сколько раствори-
лось в чужой атмосфере!.. Я спасся от
растворения в иностранщине только
тем, что подвижнически замкнулся в
святости русского слова и русской пес-
ни».

Однажды в Париже, куда Новохижин
приехал с группой артистов, он увидел
нищего певца на Монмартре, который
пел есенинскую песню «Клен ты мой
опавший...». Это была неожиданность,
от которой защемило сердце. Из скуд-
ных командировочных он добрую поло-
вину франков положили в лежавшую на
земле шляпу исполнителя.

Судьбу русских народных песен раз-
делили песни военных лет. Их почти не
слышно с эстрады. Почему? Потому что
слишком народные и патристичны. Пото-
му что «перестройщики», как в кислоте,
растворяют национальное в интернаци-
ональном, общечеловеческом.

— Я чувствую всегда отклик в зале,
когда пою «Я тоскую по родине...»,
«Бьется в тесной печурке огонь...», —
говорит Михаил Михайлович. Он вы-
страдал эти песни на фронте. Был лет-
чиком 348-го авиаполка 104-й авиади-
визии. О певческом даре Новохижина
его товарищи узнали однажды, когда,
надев наушники, по радиосвязи вдруг
услышали его пение в заоблачной выси
(он находился тогда в боевом полете на
самолете «Харрикейн» английской кон-
струкции).

— Россия — страна страдальческая, —
говорил мне Новохижин. — Вечно пре-
граждала путь врагу, вечно кого-то спа-
сала. Ко всему привыкла, закалившись
в муках и жертвах. И крест, который
несет Россия, — в ее песнях. Таких песен
у Запада нет... Я русский, и мне жаль
мою Родину. Когда бываю в церкви, ви-
жу беззубых старушек, слышу нестрой-
ные голоса их хора, мне становится гру-
стно. Ощущаю заботность людей. Вечную
нашу голодность. Особенно чувствую
это в любимом Щелыкове, где было
имение Островского, где он похоронен
в селе Бережки. Там написана «Снегу-
рочка», и все дышит сказкой, песнями
Леля — я пел их на сцене театра. Там в
Ярилиной долине возле речки Кукешки
течет святой ключик Снегурочки.

И все же у меня нет уныния. Журчит,
не переставая и во мраке ночном, свя-
той ключик... Воспрянет Россия!

...Первой актерские способности в
Михаиле Новохижине обнаружила заме-
чательная актриса Дома Островского В.
Н. Пашенная, заметив его в послевоен-
ные годы в художественной самодея-
тельности Академии имени Жуковского.
«Вот это эскадрилья... Если таких ребят
не отпустить в театр, русское искусство
много потеряет», — решительно заявила
она. Так спустился Михаил «с неба» (а
лучше сказать, вновь взлетел) в Малый
театр. С тех пор и летает на этих теат-
ральных «крыльях».

Гитару не откладывал и став ректором
Щепкинского училища. «Чувствовал се-
бя часто тем зайцем, который перебега-
ет дорогу на «красный свет», — шутит
Новохижин.

Удалось спасти от разрушения поги-
бающий домик Островского в Москве,
восстановить дом, где жила Ермолова,
и здание училища, которое хотели сне-
сти... Сейчас режиссура, организация
русского лицея искусства для детей. И
концерты. Как нужны нам эти песни и
романы, дающие опору сейчас, в годы
катастрофы...

Татьяна ОКУЛОВА